

Пропавшим девочкам

ГЛАВА 1

Ах, утро...

Есть ли в мире что-нибудь хуже?

Я всегда завидовала людям, которые вскакивают с постели и с широкой улыбкой на лице идут на пробежку по окрестностям. К сожалению, я не такой человек. Как правило, меня пробуждает от глубокого сна песня из *Totally '80s mix* — «*Bette Davis Eyes*». Она дает мне правильный заряд. В удачный день я выключаю будильник на телефоне с первого раза, но в большинстве случаев — с третьего. Обычно мой сосед по квартире Кенни рывкает из другой комнаты, требуя встать и вырубить «чертову звонилку». Однако сейчас я поднимаюсь со скрипучей кровати и, приоткрыв один глаз, бреду в душ. Поскольку мозг функционирует лишь частично, я стою под струями горячей воды и следующие пять минут напеваю *Bette Davis Eyes*, прежде чем приступить к мытью головы.

Сегодняшний день ничем не отличается от предыдущего. Я выполняю свои обычные ритуалы: на-

деваю белую блузку и темно-синюю юбку-карандаш, наношу макияж — немного бронзера, тушь для ресниц и хайлайтер, чтобы подчеркнуть скулы, — затем захожу в гостиную нашей квартиры в Чайна-тауне. Эта комната одновременно служит нам кухней и столовой. У нас была открытая планировка еще до того, как люди узнали, что это такое. Кенни сидит за раскладным столом, помешивая в тарелке хлопья, и читает. Он готовится к экзамену на офицера полиции. Мысль о том, что он станет офицером, немного пугает. В квартире нет ни одного предмета, который Кенни Шум не уронил бы, не опрокинул или не сломал с тех пор, как приехал. Уверена, в полицейском управлении Нью-Йорка все пойдет по плану.

Пищит телефон. Ух, я опаздываю на встречу! Я достаю из холодильника «Ред Булл» без сахара. Знаю, что вы скажете, — зачем пить энергетик по утрам? Ну, я не люблю кофе, а когда ты так устаешь от работы, как я, то делаешь все возможное, чтобы справиться с усталостью. К тому же, заметьте, в нем нет сахара. Купленный вчера моти-пончик¹, который я ем, сам собой не запьется.

Наблюдая за мной, Кенни с улыбкой кивает. Он уже неоднократно видел, как я в панике собираюсь на работу.

¹ Моти-пончик — гибридный десерт, состоящий из восьми шариков моти, склеенных между собой в форме пончика. Иное название: десерт «пон-де-ринг» по названию популяризовавшей его компании: Mister Donut's «Pon de Ring».

— Доброе утро, — говорит он.

У него короткий ежик черных волос, добрые карие глаза, а лицо плоское и круглое, как блин. Он похож на азиатского Зефирного человека из «Охотников за привидениями», только без матроски. Подзреваю, что он влюблен в меня, но делаю все возможное, чтобы дать понять — у нас ничего не выйдет.

— Доброе. Сколько дней до экзамена? — откликаюсь я, губы у меня все в крошках.

— Пять. Как же хочется поскорее закончить!

— Не волнуйся, ты справишься. Вечером вернись и помогу тебе готовиться.

Глаза Кенни загораются.

— Спасибо, Хейзел. Было бы здорово. Я приготовлю пибимбап¹.

Мы с Кенни любим стряпать, особенно блюда корейской кухни. Это напоминает нам о доме.

— Вкуснятина! Договорились. Ладно, спецгент К, я пошла в офис. Удачи тебе!

Я выскакиваю за дверь, держа в руках пончик и «Ред Булл». Кенни что-то говорит мне вслед, но я не слышу что, потому что уже несусь по лестнице нашего многоэтажного дома. Мы живем на пятом этаже, поэтому в конце тяжелого рабочего дня подниматься в квартиру крайне непросто.

¹ П и б и м б а п — одно из блюд традиционной корейской кухни, в состав которого входит рис, овощи, паста из острого перца, сырое яйцо и слайсы какого-либо мяса.

Я сбегаяю по ступенькам и выскакиваю через парадную дверь на Малберри-стрит. На тротуаре толпятся улыбчивые ранние пташки, которых я не в состоянии понять. На Манхэттене пасмурный осенний день, достаточно прохладный, чтобы заглушить неприятные запахи, но в то же время достаточно теплый для долгой прогулки. В воздухе витают ароматы с прилавков китайских магазинов — очаровательная смесь рыбы, фруктов и цветов. Жаль, что у меня нет времени «остановиться и понюхать розы»¹: я опаздываю, а сегодняшнего клиента никак нельзя заставлять ждать.

К счастью, офис находится всего в нескольких кварталах от дома. Я иду по Малберри-стрит, затем сворачиваю налево на Кэнэл-стрит. Мое агентство расположено на третьем этаже выдавшего виды кирпичного здания на Кортландт-элли, которая, вопреки названию, является не аллеей, а крошечной улочкой. Поначалу я была здесь единственным арендатором, но за прошедшие годы это место почему-то стало модным: сюда стали съезжаться различные дизайнеры и стартаперы. Думаю, это первый и последний тренд, который я задам. Не проходит и дня, чтобы, выходя пообедать, я не споткнулась о какого-нибудь напыщенного инфлюенсера, устроившего здесь фотосессию. Тем не менее это место меня полностью

¹ «Остановиться и понюхать розы» — английская поговорка, означающая, что стоит замедлиться и насладиться моментом.

устраивает. Достаточно близко от дома, чтобы дойти пешком, но достаточно далеко, чтобы всякие сомнительные личности не нашли нашу квартиру.

Кстати, о сомнительных личностях: пора встретиться с клиентом. Я тычу ключом-картой в домофон здания и избегаю по истертым деревянным ступенькам. Опять ступеньки — держат меня в тонусе. На лестничной клетке я заворачиваю, и меня встречает неприятное зрелище.

— Ты опоздала, — говорит Джин Штраус.

Он, ссутулившись, сидит на скамейке перед моим офисом. На линии роста его прилизанных черных волос собрались капельки пота. На мужчине рубашка в коричневую и желтую полоску, две верхние пуговицы расстегнуты так, что взору открывается растительность на груди. Он хрустит костяшками толстых, мясистых, унизанных золотыми кольцами пальцев, прежде чем положить ладони на свой огромный живот. Он здесь, чтобы получить информацию о своей жене, и я не могу перестать удивляться про себя: кто в здравом уме выйдет замуж за такого человека?

Пара секунд на то, чтобы перевести дыхание.

— Простите, мистер Штраус. Как вы попали в здание?

Он встает и улыбается, демонстрируя неестественно крупные клыки. Лицо у него вытянуто, как у крысы.

— Это неважно. Нашла что-нибудь?

Я не знаю, как относиться к тому факту, что кто угодно может получить доступ в якобы охраняемое офисное здание, но решаю пока не обращать на это внимания. Не хочу проводить с Джином больше времени, чем необходимо. К сожалению, сейчас он мой единственный клиент, так что приходится.

— Да, мистер Штраус, отчет, который вы просили, готов. Обсудим в кабинете?

Я достаю ключ и отпираю дверь, попутно глядя на гравировку на матовом стекле: «Хейзел Чо, частный детектив». Звучит так официально, так задиристо! Когда я была ребенком, мы с отцом часто смотрели старые фильмы с Хамфри Богартом, и я влюбилась в детектива Сэма Спейда из «Мальтийского сокола». «Чем дешевле мошенник, тем эффектнее его рассказ» — когда-нибудь и я произнесу подобную фразу. Если бы только клиенты знали, что я живу в нескольких кварталах отсюда, в здании, которое город планирует снести.

— Присаживайтесь, мистер Штраус.

Я закрываю за ним дверь и указываю на одно из двух кожаных кресел, стоящих напротив моего стола. У меня не так много вещей, которыми можно гордиться, но этот кабинет — одна из них. Его украшали мы с Кристиной (моей сестрой) на заре моего бизнеса. Тогда я думала, что буду похожа на Веро-

нику Марс¹, Томаса Магнума² или кого-то в этом роде. Свои сбережения я потратила на покупку красивых белых стульев и стеклянного письменного стола с золотой отделкой. Мы установили встроенные полки и заполнили их кучей книг, которые я до сих пор мечтаю прочесть. Мы с папой красили стены в спокойный темно-сине-серый цвет, а Кристина паялилась в телефон и делала вид, что помогает. Лицензия детектива висит у меня за спиной в рамке, которая больше подошла бы для картины Ван Гога. Тогда я и представить себе не могла, что превращусь не в «частного детектива Магнума», а в «ловца страховщиков-мошенников».

— Прежде чем мы начнем, могу я вам что-нибудь предложить? Кофе, воду, содовую?

У меня плохие новости, поэтому я надеюсь, что кофе как-то сгладит ситуацию. Может, стоит уже начать принимать успокоительные.

— Нет. Хочу услышать отчет.

У Джина сильный южно-филадельфийский акцент и соответствующее обаяние.

— Ладно, как скажете.

Я достаю из холщовой рабочей сумки папку из плотной бумаги и кладу перед собой на стол. Рань-

¹ В е р о н и к а М а р с — главная героиня одноименного сериала. Девочка с детства помогала отцу распутывать преступления, а повзрослев, начинает адвокатскую карьеру. Она думает, что больше не вернется в родной город, но судьба решает иначе.

² Т о м а с М а г н у м — главный герой американского сериала, ветеран Вьетнама, проходивший службу в морской разведке.

ше я показывала клиентам отчеты и фотографии на компьютере или отправляла по электронной почте, но вскоре выяснила, что они больше доверяют печатным копиям. Они словно делают процесс более реальным.

— Мистер Штраус, вы наняли меня, чтобы узнать, изменяет ли вам жена. Если коротко, то да. Согласно вашим инструкциям, я следила за Эмили в прошлый четверг и пятницу, когда вас не было в городе. Оба раза она ужинала с мужчиной, причем ужин явно носил не деловой характер: я не заметила ни ноутбуков, ни документов, ни других рабочих принадлежностей. Из ресторана они уехали вместе. Я проследила за их машинами — обе в итоге оказались у его дома.

Я открываю папку и протягиваю Джину отчет. Он бегло просматривает текст и переходит к картинкам. Их всегда интересуют фотографии. Толстые волосатые пальцы мужчины пролистывают снимки жены в объятиях другого, и я вижу, как в нем нарастает ярость. Он сильнее сжимает листы бумаги. Его лицо приобретает опасный фиолетовый оттенок, а ноги яростно подпрыгивают вверх-вниз, как у включенной на полную мощность стиральной машины. Затем он поднимает глаза на меня.

Глаза демона.

— Ты гребаная сука, — говорит он, смакуя каждое слово. По его лицу расплзается злорадная улыбка.

— Что, простите?

Сначала я подумала, что ослышалась. Должно быть, он сказал «она гребаная сука». Я прокручиваю это в голове. Нет, он сказал «ты». Джин встает со своего места и швыряет фотографии мне в лицо. У него на лбу вздувается вена.

— Это подделка. Думаешь, можно дать мне несколько фальшивых снимков, а я просто скажу спасибо и отдам свои кровно заработанные деньги? Я, по-твоему, идиот?

Во время слезки за миссис Штраус я увидела у нее на запястьях синяки. Тогда я решила, что мне показалось, но теперь уверена — они там были.

Я встаю со стула и примирительно поднимаю ладони. Это не первый случай, когда клиент пытается убить гонца. Правда, ни один из них не был таким крупным, как Джин Штраус.

— Уверяю вас, фотографии настоящие. Мне жаль сообщать плохие новости, но это правда.

Он тычет толстым пальцем мне в лицо. Из его носа вырывается громкое частое сопение.

— Не смей врать!

— Я не вру. Я видела много таких случаев. Это может занять время, но вы...

Мужчина поднимает один из стульев и с грохотом швыряет его в книжную полку. Справочники по частным расследованиям падают на пол. Я снова смотрю на Джина — пот струится у него по лбу. Я вглядываюсь ему в глаза. Он напоминает мне раненую собаку, которую я однажды нашла в лесу возле родительского дома: обиженную, испуганную, злую, непредсказуемую. Я бросаю взгляд на лежа-

щую всего в паре сантиметров сумку: в ней электрошокер.

— Я хочу вернуть аванс.

Я выпрямляю спину и качаю головой.

— Это невозможно, мистер Штраус.

Не стоит ему знать, что пятидесятипроцентный депозит уже потрачен и я рассчитывала на второй взнос, чтобы оплатить аренду за этот месяц.

Кулаки мужчины сжимаются, и он делает тяжелый шаг вперед, огибая стол. На шее пульсирует артерия. Сейчас набросится.

Я не отрываю от него глаз, рукой тянусь к шокеру. Я знакома с подобным взглядом — это взгляд хищника, ощущающего свое преимущество.

На втором этаже хлопает дверь, прерывая нашу игру в гляделки.

Штраус отступает на шаг и прислушивается. Женские каблочки стучат по лестнице. Слышно только наше дыхание. Я хочу сбежать, но женщины, выбравшие стезю частного детектива, не могут позволить себе подобную роскошь. Им только этого и надо. Чтобы ты сбежала. Испугалась. Заплакала. Бросила это занятие. Я слышу, как дверь в мой коридор со скрипом открывается, а затем в кабинет стучат. Я вздыхаю. Не знаю, кто это, но ничего не может быть хуже, чем оставаться наедине с этим животным.

— Кто там? — у меня перехватывает дыхание.

— Мэдлин Хэмсли, — произносит надменный голос из-за двери.

Я ломаю голову, пытаюсь представить лицо, но не помню никакой Мэдлин Хэмсли.

— Кто?

Дверь открывается, и в комнату проскальзывает женщина, окутанная ароматом дорогих духов. Она — полная противоположность Джина Штрауса: гибкая и безупречная, одетая в сшитый на заказ костюм, который так и кричит о деньгах, в которых я отчаянно нуждаюсь. Она молода, но явно прошла несколько сеансов ботокса. Бледная кожа на лбу блестит, а на спине льется водопад светлых волос. Все в ней остро: нос, скулы, речь. Однако что отличает ее от других, так это глаза ледяного оттенка зеленого, взгляд которых пронизывает насквозь. Меня охватывает облегчение оттого, что в комнате появилась еще одна женщина.

Она бросает пренебрежительный взгляд на Джина Штрауса, не зная, какую сцену только что прервала.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, но мне нужно с вами поговорить. — На вид ей около тридцати пяти, но говорит она как аристократка в возрасте.

Высокомерие Мэдлин только разжигает ярость Джина. Я наблюдаю, как его зрачки мечутся от меня к ней, прикидывая, стоит ли ему вымещать свой гнев на нас обеих. Я искоса смотрю на мужчину и качаю головой, молча сообщая, что оно того не стоит. Через несколько бесконечно долгих секунд его плечи опускаются, а лицо становится непрони-

цаемым. Он тупица, но достаточно сообразителен, чтобы понимать — добром это для него не кончится. Мечь откладывается. И все же он не может уйти, не сделав прощального выстрела. Он указывает на меня короткий палец.

— Мы еще не закончили.

Некоторое время он стоит так, давая мне осознать угрозу, затем проходит мимо Мэдлин и захлопывает за собой дверь.

ГЛАВА 2

— Какой отвратительный человек, — говорит женщина и протягивает мне руку, но ладонью вниз, как будто я должна ее поцеловать.

Я смотрю на нее, не веря своим глазам. Мужчина только что разгромил мой офис и явно собирался напасть на меня, а она ведет себя так, будто мы собрались на чай в загородном клубе. Я смотрю в потолок, пытаюсь восстановить дыхание и подавить раздражение. Смесь эмоций разрывает грудь. Злость на Джина Штрауса за то, что он пытался здесь учинить. Разочарование в себе из-за того, что я не была готова к подобному. Отчаяние, потому что я понимаю — от того, чтобы быть задушенной неуверенным в себе импотентом, меня отделяет лишь шаг. Однако все эти мысли сейчас не к месту. Сначала надо разобраться с этой фарфоровой куклой.

Я протягиваю ей дрожащую руку. Ладонь вспотела, и по выражению лица Мэдлин я понимаю, что она заметила. Я опираюсь на стол, чтобы не упасть.

— Простите, мисс... — От волнения я уже забыла, как ее зовут.

— Хэмсли.

— Мисс Хэмсли, вынуждена попросить вас зайти попозже. Как вы, наверное, понимаете, вы застали меня в неподходящий момент.

Я чувствую, как глаза наполняются слезами, и отворачиваюсь к окну. Я все еще пытаюсь осознать произошедшее, но понимаю — становиться жилеткой посетительница не планирует.

Она смотрит на часы.

— Я настаиваю, чтобы мы поговорили сейчас.

Я резко поворачиваюсь и наблюдаю, как она поднимает опрокинутый Штраусом стул. Ее совершенно не интересует, почему он опрокинут; она просто знает, что ей нужно сесть, а все остальное не имеет значения. Отсутствие эмпатии напрягает. Я и раньше встречала подобных ей богачей: им почти доставляет удовольствие причинять вам неудобства. Так они чувствуют себя особенными, важными. Помню, когда я была подростком и работала официанткой в местном загородном клубе, одна женщина заставила меня приготовить соус тартар с нуля — просто потому, что могла себе это позволить.

— Мы знакомы? — спрашиваю я.

Она смеется над моим предположением, будто я спросила ее, не хочет ли она вместе покурить крэк.

— Нет, мисс Чо, мы не знакомы.